

ГРЕБЕШОК ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

НГУЕН ШАНГ

Р А С С К А З

В СВЕТЛУЮ лунную ночь мы собрались в небольшой хижине среди непроходимых зарослей бамбука на равнине Донг-Тхап-Мыой. Хижина представляла собой один из пунктов на секретной тропе связи и была хорошо замаскирована на берегу реки. Набилось много народу. Мы ожидали подхода проводника, а пока скучали в бездействии.

— Расскажите хоть что-нибудь, — обратился я к одному из спутников.

Этот человек обычно рассказывал охотнее других, знал множество забавных историй, в том числе и из времен войны Сопротивления, и, слушая его, все весело смеялись. Прежде чем начать рассказ, он обычно с хитрецей улыбался и принимал вид такого добродушного старичка. Но сегодня выражение его лица было необычным.

— Хорошо, — сказал он. — Я расскажу вам одну невыдуманную историю.

...Мы пробирались в пункт Б. Когда моторная лодка, пришедшая за нами, уткнулась в берег, всем захотелось посмотреть, кто сидит за рулем. Это не было праздным любопытством. Перед отъездом товарищ, ответственный за наш пункт связи, предупредил нас, что путь будет долгий и трудный, часть его придется проделать на лодке, а часть пешком. Не исключалась опасность попасть под прожектор патрульного вертолета, наткнуться на вражескую засаду. Нужно во всех случаях сохранять спокойствие, не впадать в панику и подчиняться приказам рулевого. Таким образом, именно от рулевого зависела наша жизнь. Естественно, что нам хотелось разглядеть человека, которому мы вручали свою судьбу. Но была уже ночь, и я только увидел, что это девушка, стройная, хрупкая и подтянутая, в платочке на голове, с американским карабином за плечом.

— Бумаги и ценные вещи положите в карманы или в отдельные узелки, чтобы не потерять, если нас обстреляют вертолеты или наткнемся на засаду.

Затем она нагнулась и запустила мотор. Встречный ветер дохнул на нас прохладой. Все начали рыться в вещевых мешках. Мои бумаги и деньги лежали в кармане. А ценности... Какие у меня ценности? И тут я вспомнил о гребешке,

вытащил его и положил в нагрудный карман вместе с документами. Потом тщательно застегнул карман английской булавкой.

Маленький гребешок из слоновой кости остался мне от моего друга, и каждый раз, рассматривая его, я погружался в воспоминания и раздумья...

Сразу после восстановления мира нас отпустили ненадолго по домам. Я возвращался в деревню вместе со своим другом по имени Шау. Наши дома стояли рядом на берегу небольшой речушки, впадавшей в Меконг. Мы вместе ушли в армию, вместе воевали, когда нашу провинцию оккупировали французы.

Уходя воевать, друг оставил дома дочку, которой еще не исполнилось и года. Потом жена его несколько раз пробиралась к нему в часть повидаться, и каждый раз Шау просил ее привести дочку. Но прийти к мужу в военное время на нашем участке фронта было делом не легким. И жена Шау не решалась тащить через джунгли ребенка. Она была, конечно, права, муж не мог возражать ей. И все восемь военных лет он видел девочку только на фотографиях.

Едва лодка подошла к берегу, мы увидели маленькую девочку с коротко подстриженными волосами, в черных штанишках и красной ватной курточке. Шау сразу догадался, что это его дочь. Он спрыгнул на берег, не дожидаясь, пока лодка пристанет. Торопясь и волнуясь подбежал к ребенку:

— Тху, дочка...

Я подошел к нему. Наверно, тоскуя и думая о ней, Шау не раз представлял себе, как при встрече девочка бросится к нему, обнимет его за шею. Он сделал еще шаг, наклонился и раскрыл объятия. Но ребенок только вздрогнул, услышав свое имя и круглыми глазами уставился на незнакомого человека. Девочка казалась испуганной. А Шау не мог сдержать волнения, и, как всегда в такие минуты, длинный шрам на его правой щеке покраснел и стал пульсировать. На посторонних это производило неприятное впечатление. Шау опять шагнул к девочке с открытыми объятиями, голос его дрожал:

— Это я, дочка, твой отец.

Ничего не понимая, она посмотрела на меня, на отца, а затем, побледнев, с криком: «Мама, мама!» бросилась прочь. Шау остоленел, лицо его потемнело, руки бессильно повисли.

Приехали мы издалека, а погостить пришлось лишь три дня. За это короткое время дочка не

Нгуен Шанг — современный южновьетнамский писатель, активный участник освободительной войны против американской агрессии и сайгонского марионетного режима.

успела привыкнуть к отцу. В первую ночь она не дала ему лечь с женой. Упрямая, она за руку тянула Шау с кровати. Целый день Шау не уходил из дому, стараясь быть поближе к ребенку. Он хотел приласкать девочку, но она, казалось, невзлюбила его. Он жаждал услышать от нее «папа», но никакая сила не могла заставить ее вымолвить это слово. Когда мать велела ей позвать отца обедать, она сказала:

— Позови сама.

Мать рассердилась и погрозила ей палочками для риса, которые держала в кулаке.

— Зовут обедать, — сказала девочка, подчиняясь матери.

Услышав такое приглашение, Шау сделал вид, будто к нему это не относится.

— Обед уже готов, — повторила девочка, стоя в дверях кухни.

Шау не отозвался. Девочка, обернувшись к матери, сказала:

— Я позвала, а «он» не слушает.

Шау смотрел на дочку, улыбаясь и слегка покачивая головой. Может быть, он улыбался потому, что не мог даже плакать — так ему было тяжело. На следующий день жена Шау пошла купить кое-что к обеду, оставив на очаге кастрюлю с рисом. Дочери она наказала следить за рисом и, если будет нужно, обратиться за помощью к отцу. Девочка не говоря ни слова осталась в кухне. Когда рис начал кипеть, она сняла крышку и помешала его. Но кастрюля была слишком большая, и ей было трудно снять ее, чтобы отлить воду. Она с тоской посмотрела на Шау:

— Рис кипит, помогите мне отлить воду.

Опять она говорила, не обращаясь ни к кому!

— Надо попросить: «Папа, отлей воду», — подсказал я.

Она сделал вид, будто не слышит.

— Рис кипит, он разварится.

Шау сидел молча. Я пригрозил:

— Если рис разварится, мама будет сердиться. Ты, что, не можешь выговорить слово «папа»?

А рис так и булькал.

Девочка с тревогой смотрела на кастрюлю, но не сдавалась. Она взяла тряпку — решила снять сама. Но поднять тяжелую кастрюлю ей было нелегко, и она опять посмотрела на нас. Бульканье риса, казалось, побуждало ее действовать. С несчастным видом она переводила взгляд с кастрюли на нас. Мне стало жаль ее, и в то же время меня удерживало любопытство. Я ждал, что она наконец обратится к отцу. Но тут она нашла выход: взяв поварешку, она стала ею вычерпывать из кастрюли лишнюю воду. Ну и девочка!

За обедом Шау положил ей котлетку из икры. Она заглянула в чашку, сделала вид, будто ничего не заметила, и вдруг выбросила котлетку и рис прямо на поднос.

— Что за упрямство такое! — вспыхнул Шау и шлепнул девочку. «Ну, сейчас будет крик», — подумал я. Ничего подобного! Она продолжала сидеть молча, опустив голову. Потом так же молча взяла палочки, подобрала котлету, положила ее обратно в чашку, поставила на поднос и вышла из-за стола. Сбежав на берег, она прыгнула в лодку с громким стуком оттолкнула ее и поплыла через реку. Плакала она уже на том берегу, у бабушки.

Вечером мать отправилась за ней, но, как ни уговаривала, вернуться она не желала. На следующий день мы должны были уже возвращаться в часть. С утра дом наполнился родными, пришедшими проводить Шау. Пришла и бабушка. Она привела с собой девочку. Шау разговаривал с гостями и как будто не обращал на дочь никакого внимания. Жена его возилась с рюкзаком, укладывая вещи. Девочка, предоставленная сама себе, то садилась в углу, то вставала у двери и внимательно наблюдала за людьми. На лице ее было какое-то совсем другое, странное выражение — не упрямство, а скорее печаль. Широко раскрытыми глазами с длинными, загнутыми вверх ресницами, от которых эти глаза казались еще больше, она неотрывно смотрела на отца.

Подшел момент прощания. Шау, пожав всем руки и закинув за плечи рюкзак, взглядом нашел дочку. Она стояла в углу.

Наверно, ему хотелось обнять и поцеловать ее, но он боялся, что она оттолкнет его и убежит. Поэтому он только грустно посмотрел на нее. В глазах девочки отражалось смутное.

— Ну, я пошел, дочка, — тихо сказал Шау.

— Папа... папа! — вдруг закричала она.

Горестный возглас, вырвавшийся из глубины детской души, разом разорвал тишину и пронзил наши сердца. С криком ребенок бросился к отцу и крепко обхватил руками его шею.

— Папа! Я не отпущу тебя. Останься со мной.

Шау поднял ее, крепко прижал к своей груди. Накануне бабушка долго разговаривала с внучкой, пытаясь понять, почему она так дичится отца.

— Почему ты не зовешь папу папой? — спросила она.

— Это не мой папа! — Девочка привстала на кровати.

— Как же не твой? Ты просто забыла его, ведь его долго не было дома.

— Он не похож на карточку.

— Как это не похож? Просто он постарел за столько лет.

— Нет, не постарел. У папы нет такого шрама.

Так вот оно что! Девочка не смогла узнать отца из-за шрама. Бабушка объяснила, что папа воевал с французами, и французы обезобразили его щеку. Она рассказала девочке о жестокостях, которые совершали французы. Девочка молча слушала, только иногда глубоко вздыхала, как взрослая. На следующее утро она попросила бабушку отвести ее домой. И вот, не успела она еще признать своего отца, как он снова должен был ее покинуть.

Не в состоянии сдержать слезы и не желая, чтобы дочь видела, как он плачет, Шау вытащил платок и незаметно вытер глаза.

— Я уйду, дочка, но я вернусь к тебе.

— Нет, нет! — закричала она, еще крепче сжимая шею отца.

Но увы, мы должны были вернуться в часть точно в положенный срок. Все столпились вокруг ребенка.

— Доченька, отпусти папу. Он вернется после воссоединения.

— Будь послушной, внученька. Папа поедет и купит тебе гребешок из слоновой кости. — Бабушка гладила внучку по волосам.

— Привези мне гребешок, ладно? — сказала, всхлипывая, девочка...

И вот мы снова вернулись к своим боевым делам. Вы знаете, что с приходом американцев для нас настали особенно трудные дни. Власть Нго Динь Дьема развернула жестокие репрессии против всех участников Сопротивления — арестовывали, пытали, зверски истязали и убивали их. Мы долго скрывались в джунглях. Об этом можно многое порассказать. Иногда нас по три раза в ночь окружала облава, бывали времена, когда приходилось жевать лишь листья растений. Но это уже другой рассказ, а я хочу продолжить о своем друге.

Ночами, лежа в походном гамаке и вспоминая о дочке, Шау все сокрушался, что отшлепал ее. Однажды, когда мы так лежали и беседовали, он вдруг сказал:

— А ведь здесь, в джунглях, иногда охотятся на слонов. Надо бы сделать дочке гребешок из слоновой кости!

Вскоре решили устроить охоту, чтоб раздобыть мяса. Вооружиться пришлось отравленными стрелами, а не винтовками. Стрелять из винтовок было нельзя — ведь в те годы джунгли еще хранили молчание.

Я помню тот вечер после пасмурного дождливого дня, когда джунгли сверкали дождевыми каплями, еще висевшими на листьях. Я работал в палатке и вдруг услышал, что меня зовут. По тропинке из зарослей бежал Шау. В руке он держал кусок слоновой кости. Лицо моего друга сияло неподдельной детской радостью.

Потом он раздобыл гильзу от американского двадцатимиллиметрового снаряда и сделал из нее пилку. Этой пилкой он разделал бивень на тонкие пластины и в свободное время выпиливал из пластины гребешок, зубчик за зубчиком, любовно и тщательно, словно ювелир. Не знаю почему, но мне нравилось сидеть рядом и наблюдать за его работой. Вскоре гребешок уже был готов. Буковка к буковке вырезал Шау надпись: «Любимой дочке Тху от ее отца». Гребешок еще не коснулся девичьих кос, но на сердце у отца стало легче. Ночами, вспоминая о дочери, Шау вынимал гребешок, любовался им, шлифовал, чтоб он стал еще лучше. И как же ему хотелось увидеть ее! Но случилась беда. Шау погиб во время карательной операции, предпринятой американско-дземовской кликой. Пуля попала ему прямо в грудь. В последние минуты у него уже не было сил. Казалось, в нем жила только отцовская любовь. Слабеющей рукой он вытащил из кармана гребешок, протянул его мне и глядел на меня не отрываясь. Я не могу описать этот взгляд. До сих пор я вижу перед собой лицо моего друга.

— Я передам его твоей дочке, — тихонько сказал я, наклонившись к Шау.

В те мрачные годы, друзья, мы не только жили тайно, но и умирали втайне от всех. Мы не могли сделать Шау настоящей могилы. Наткнувшись на могильный холм, враги раскопали бы его, чтобы найти наши следы. Мы засыпали могилу и сравнивали ее с землей. Я сделал только зарубку на ближайшем дереве.

Так мы жили и так умирали. Можно ли было это терпеть? Мы взялись за оружие.

После того как нам удалось организовать довольно хорошо укрепленную базу, я увиделся со своими родными. Хотел послать маленькой Тху гребешок, но мне сказали, что жена Шау с дочерью уже не живет в деревне. Гонения на коммунистов, карательные операции за несколько лет привели страну в полный упадок. Многие

были вынуждены покинуть родные места, скрыться, не подавая о себе вестей. Мне говорили, будто семья Шау переехала в Сайгон, от других я слышал, что она вернулась обратно, на равнину Донг-Тхап. Но точно никто ничего сказать не мог, и я хранил гребень у себя...

Мотор постукивал мерно, и мне опять захотелось рассмотреть нашу связную. Неярким блеском звезд небо чуть светилось сквозь тонкие облака. В полутьме я различал лишь фигуру девушки, округлое лицо и глаза... Глаза ее трудно описать. Но почему-то они казались мне знакомыми. Я старался вспомнить, где я мог их видеть.

Вдруг послышался возглас:

— Самолет, самолет!

Лодка закачалась, все зашевелилось, загалдели:

— К берегу! К берегу!

— Где, где самолет?

— Вот его свет.

— К берегу, к берегу! Это реактивный.

Связная немного приглушила мотор, обернулась и сказала:

— Успокойтесь, это просто звезда.

Все были возбуждены, а ее голос звучал уверенно и спокойно. И это спокойствие передалось остальным. Девушка снова прибавила скорость. После долгих дней трудного пути сидеть в лодке было приятно. Меня беспокоила только мысль о самолете. Мотор стучит слишком громко. Появился самолет, мы его не услышим. Вошли в открытый канал. По обоим берегам потянулись пустынные поля, только вдаль темнели заросли бамбука. Я подумал: неплохо, если б лодка пошла быстрее. И как бы читая мои мысли, девушка прибавила скорость. За лодкой веером потянулись длинные волны, раскачивавшие заросли диких трав по берегам.

Все спокойно наслаждались скоростью движения, когда девушка приглушила мотор и сказала: «Вертолеты!» — а сама уже свернула к зарослям и выключила мотор. Вторая лодка тоже пристала к берегу. Теперь мы ясно слышали гул мотора и жужжанье пропеллеров американских вертолетов. Да, слух у нашей связной оказался действительно тонким. Услышать гул вертолетов за шумом лодочного мотора было нелегко.

Лодка покачивалась на волнах.

— Еще далеко, — сказала девушка. — Сойдите на берег и поищите укрытия. Попадете под прожектор, не шевелитесь.

Все попрыгали на берег. Я был последним и уже собрался тоже сойти, когда она сказала:

— Вам, дядюшка, можно остаться. Если в лодке мало людей, не опасно.

Другому бы я не поверил, но остаться с ней не боялся.

Вертолеты приближались. Луч прожектора подвигался к нам. Американцы обычно летали на трех машинах. Одна искала цель, с двух других стреляли.

— Прикройтесь веткой и не шевелитесь, — сказала девушка.

Я впервые попал под прожектор, и, когда свет ослепил меня, а пропеллеры загрохотали прямо над головой, мне подумалось, что нас обнаружили, я ясно увидел корпус нашей лодки и маскировочные ветки с трепещущими на ветру листьями, а под листьями в лодке — наши рюкзаки.

«Ну, все!» — решил я. — Крышка!» — и сказал в комок.

— Ему сверху не так видно, как нам, — сказала девушка.

Но на этот раз ее слова не оказали на меня должного действия. Я был готов уже броситься в воду, но дьявольский свет и шум моторов стали постепенно удаляться. Опять стусилась ночная тьма. Я не шевелился, боясь, как бы вертолеты не возвратились. Девушка спокойно сказала:

— Они только наводят страх, а на самом деле ничего не видят. Главное — сохранять выдержку и не шевелиться.

Повернувшись к берегу, она позвала моих спутников. Мотор опять застучал.

После полуночи мы продолжали путь пешком. Нужно было пересечь поле по меже. Глинистая тропа была неровной и скользкой. Мы шли на ощупь, гуськом, то и дело падая. Снова подошли к реке. Связные остановились и направили вперед разведку. Минут через двадцать разведка наткнулась на засаду. На этот раз дьемовцы вышли прямо на поле, подняв беспорядочную стрельбу. Пули свистели над нашими головами.

— Ложись! — скомандовала связная. — Ты отводи людей. Я останусь здесь.

Я понял, что она старшая в группе связных. Мне хотелось увести ее. Но оглянувшись, я увидел, что она уже куда-то скрылась. Пули врага накрывали нас словно сетью. Поле простреливалось перекрестным огнем, и мы вжимались в грязь, не в состоянии поднять головы.

В это время откуда-то слева раздались выстрелы из карабина. Дьемовцы переключили огонь. Я понял, что девушка отвлекала внимание врага на себя.

— Бежим! — скомандовал связной Ти.

Мы бросились бежать. Я не очень привык к стрельбе, но в этот момент мне было страшно не за себя, а за девушку. Все мы благополучно пересекли рисовое поле и переправились через реку.

А перестрелка становилась все ожесточеннее. Я прислушивался, стараясь различить выстрелы карабина, но мне это не удавалось, и сердце мое щемила тоска.

Подошли проводники из пункта Б. Мы собрались в роще кокосовых пальм, обожженных ядохимикатами. Со стволов свисали редкие листья. Роща казалась мертвой.

Все валились с ног от усталости, и проводники разрешили нам отдохнуть до рассвета. Многие не стали даже развешивать гамаки и бросились на землю.

От всего пережитого я спал плохо. Перед глазами, как в бреду, проходили какие-то видения. Но под утро усталость одолела и меня.

Я проснулся от звука шагов, голосов и смеха. Брезжил рассвет, занавес ночи нехотя поднимался над полями. Я увидел группу людей и среди них девушку — нашу проводницу — в мокрой, испачканной глиной одежде.

Я подошел к ним, когда они прощались друг с другом. Вид девушки поразил меня. Она только что вышла из боя, только что избежала смертельной опасности, но лицо ее дышало энергией. Ни тени усталости. Глаза радостно сияли. Теперь я хорошо разглядел ее. Ей было не больше двадцати. У взрослых людей не бывает таких сияющих глаз. Девушка направилась ко мне, и я рад был выразить ей свое восхищение.

— Я беспокоился за тебя, дочка, — сказал я с улыбкой. — У тебя есть братья и сестры?

— Нет, я единственная дочь в семье.

— Откуда ты родом?

— Из Кулаозненга.

Я вздрогнул, услышав название родной деревни. Сердце мое бешено забилось, и я переспросил, глядя ей в глаза:

— Кулаозненг округа Тёмой?

— Да.

— А как твоё имя?

— Тху.

— Тху? — спросил я изумленно. — Твоего отца зовут Шау, а мать — Бинь, так?

Девушка широко раскрыла глаза и посмотрела на меня удивленно. Проводники из пункта Б уже созывали людей в дорогу.

— Подождите немножко, — попросил я и опять повернулся к девушке. Мы оба смотрели друг на друга. Да, конечно, это глаза дочери Шау!

— Ну, что же ты молчишь? — сказал я. Я старался скрыть свое волнение. — Я дядюшка Ба, ваш сосед. Помнишь, когда твой отец уходил, он обещал купить тебе гребешок?

— Да, помню, — кивнула девушка.

На войне, друзья, случаются дикие встречи. Не отрывая взгляда от девушки, я вынул из кармана гребешок.

— На вот, возьми. Твой отец просил меня передать это тебе. Он сделал его сам.

Глаза Тху еще больше расширились. Я смотрел, как она взяла у меня гребешок, как стала разглядывать надпись, и сердце мое разрывалось от боли. Я понимал, что она растерялась от неожиданной радости, и не хотел лишать ее этой радости.

— Твой отец здоров, — солгал я. — Он не может навестить вас, вот и попросил меня передать тебе подарок.

Часто моргая, Тху посмотрела на меня, губы ее задрожали:

— Вы ошиблись, наверное, дядюшка Ба...

Я растерянно переспросил:

— Но твой отец — Шау, а мать — Бинь?

— Да. — Казалось, ей хотелось заплакать, глаза ее покраснели.

— Если вы не ошиблись, то, возможно, боитесь огорчить меня и обманываете. Я знаю, отец мой погиб. — Она заморгала, из глаз ее полились слезы.

— Не бойтесь, я выдержу. Я узнала, что отец убит, и попросила мать отпустить меня в связные...

Она хотела сказать еще что-то, но голос ее оборвался, она закрыла лицо руками. А я, точно школьник, уличенный в обмане, не знал, что сказать, и стоял молча.

Мои спутники звали меня, торопили. Я не мог больше задерживаться. Радость неожиданной встречи не изгнала нахлынувшей грусти.

Глядя на девушку, я сказал, как некогда отец:

— Ну, я пошел, дочка.

Я не расслышал ее ответа, лишь увидел, как вздрогнули ее побелевшие губы.

Пройдя немного, я оглянулся. Тху сделала несколько шагов вслед за мной и остановилась на краю поля. Волны зеленого риса бежали к ее ногам, словно пытались принести ей успокоение. А за спиной ее высились обожженные ядохимикатами кокосовые пальмы, оцетинив, как мечи, свои голые ветки.

Перевел с вьетнамского
В. Семенов